

© 1990 г.

ФРАЙДХОФ Г.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЛОГИКИ И ГРАММАТИКИ В РУССКИХ ВСЕОБЩИХ ГРАММАТИКАХ НАЧАЛА XIX в.

1. В 1660 г. во Франции выходит первое издание Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля [1], а всего два года спустя Логика Пор-Рояля [2] — труды, которые следует рассматривать во взаимной связи. Оба сочинения оказали решительное влияние на развитие грамматики и логики в Западной Европе, особенно во Франции (см. [3, 4]) и Германии. Можно думать, что их влияние (прямое или косвенное) распространялось и на некоторые славянские страны, хотя этот вопрос до сих пор еще недостаточно исследован (см. [5—7]). Научная заслуга в установлении связей между грамматикой и логикой принадлежит в первую очередь А. Арно, автору Логики [8], и, наряду с ним, К. Лансело, соавтору труда по общей грамматике (см. [9]).

Развитие исследований, посвященных Грамматике Пор-Рояля, можно считать весьма успешным; последняя обширная монография вышла в свет всего несколько лет тому назад [10]. Поэтому я не считаю своей задачей излагать здесь свое мнение о французском оригинале. Целью моего исследования является скорее рассмотреть, в каких прямых или косвенных связях с ним находятся понятия грамматики и логики в русских всеобщих грамматиках нач. XIX в., и выяснить, с какими влияниями западноевропейских или самих русских грамматических учений следует считаться.

Пути развития русской всеобщей грамматики можно рассматривать как особенно сложные. Как правило, оказывается невозможным предположить влияние только одной грамматики; лишь грамматика Язвицкого [11] составляет исключение, но ее можно считать просто переводом или обработкой Грамматики Пор-Рояля. Формулировки в грамматиках являются слишком отрывочными и поэтому недостаточно специфичными для того, чтобы можно было говорить о влиянии одной определенной грамматики. В данном случае мне представляется более важным описать совпадения трактовки категорий и определений и лишь затем указать имена авторов грамматик. Именно с этой точки зрения я и подхожу к предмету исследования в своих предыдущих работах о русских всеобщих грамматиках (см. [12, 7]). Определить влияния, оказываемые на русские всеобщие грамматики, сложно еще и потому, что авторы, естественно, хорошо знали сочинения М. В. Ломоносова, в которых, в свою очередь, сходятся некоторые линии развития западноевропейского рационализма. Особенно Орнатовский подчеркивает значение взглядов Ломоносова на русский язык и литературу, а это значит, что Грамматика и Риторика Ломоносова были к тому времени уже хорошо известны [13, с. 32—33].

Известными из логики операциями человеческого разума являются понимание, рассуждение и заключение. Язвицкий в своей грамматике пишет:

«Понятие есть не что иное, как простое воззрение ума нашего на предметы совершенно умственные, каковы суть: *протяжение, твердость, мысль, Бог*; или телесные, как то: *квадрат, круг, зверь, лошадь* и проч.

Суждение есть утверждение того, что в вещи находится, и что она может быть так, а не иначе. Напр.: когда я знаю, что есть земля, и что есть *круглость*, утверждаю: что *земля кругла*.

Умозаключение есть такая способность нашей души, посредством коей сравниваем мы два суждения между собою и выводим оттуда третье...

Таким образом, *понимать, судить* и *заключать*, суть три должности разума человеческого» [11, с. 30].

Можно установить, что Язвический здесь строго придерживается оригинала, в котором описаны известные еще со времен Аристотеля три операции в их последовательности и возрастающей рациональной сложности. В Грамматике Пор-Рояля говорится:

«Tous les Philosophes enseignent qu'il y a trois operations de nostre esprit: CONCEVOIR, IVGER, RAISONNER.

CONCEVOIR, n'est autre chose qu'un simple regard de nostre esprit sur les choses, soit d'une maniere purement intellectuelle; comme quand je connois l'estre, la duree, la pensee, Dieu; soit avec des images corporelles, comme quand je m' imagine un quarré, un rond, un chien, un cheval.

IVGER, c'est affirmer qu'une chose que nous concevons, est telle, ou n'est pas telle. Comme lors qu'ayant conceu ce que c'est que la terre, & ce que c'est que *rondeur*, j'affirme de la terre qu'elle est *ronde*.

RAISONNER, est se servir de deux jugemens pour en faire un troisieme. Comme lors qu'ayant juge que toute vertu est loiable, & que la patience est une vertu, j'en conclus que la patience est loiable» [1, т. I, с. 27].

По Язвическому, понятиям логического уровня соответствуют понятия грамматического уровня: «Когда сии три рода мыслей выражаются словами: то они переменяют имена; *понятие* — называется *словом*; *суждение* — *предложением*; *умозаключение* — *доводом*» [11, с. 30].

Язвический исходит из почти беспроblemной параллельности понятий логики и грамматики, что на самом деле не так-то просто реализовать, особенно в отношении сопоставления последней пары понятий.

2. Понятие как «...мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфичн. признаков, в качестве к-рых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними» [14] является простейшей рациональной операцией, т. е. абстракцией и усвоением человеческим мозгом суммы определенных признаков, которые можно приписать референту. С другой стороны, в понятии отражается целостность всех суждений, которые могут быть отнесены к этому референту как представителю определенного класса во внеязыковой действительности [15, с. 393]. Из этого следует, что понятие можно было бы определить и на основе рассмотрения операции более высокого ранга.

В соответствии с Грамматикой Пор-Рояля Язвический указывает на то, что понятия образуются как по отношению к физически-конкретным, так и по отношению к умственно-абстрактным «предметам». Понятие, таким образом, можно рассматривать как *Begreifen* (Betasten «чувственность») в конкретном смысле (абстракция следует за ним) и как *Begreifen* (Verstehen) в переносном смысле (что непосредственно является абстракцией).

Переход от конкретного ощущения/представления к «понятийному» пониманию становится еще яснее у Орнатовского, который приписывает

человеку два источника, две способности получения познаний: чувствование/чувственность и разум. Для «телесных» предметов образованию понятий предшествует чувственное восприятие («quod est in sensu»), и лишь за ним следует «quod est in intellectu». Для чисто абстрактных понятий, которые образуются без внешних впечатлений, такой возможности не существует: «Чувственность есть способность посредством зрения, слуха, вкуса, обоняния, и осязания] принимать впечатления от предметов, вне нас находящихся».

Впечатления, производимый посредством чувств в душе нашей, называются ощущениями (perceptio, Empfindung). Взгляд души нашей, обращенный на сии ощущения, есть представление (intuitio, Anschauung). Когда многообразный представления, возбужденный внешними чувствами, начинают упражнять наш разум, тогда они превращаются в понятия (conceptus, Begriff). Таковы суть: *дерево, зелень, солнце, огонь, человек*, и проч.

Но душа наша производит также понятия собственной своею деятельностью, не зависимо от внешних впечатлений. И так все то, что делается предметом мыслящей силы, есть *понятие* (idea), напр. время, свобода, и проч.» [13, с. 39].

В определенном смысле здесь, кажется, сливаются позиции рационализма и эмпиризма, т. е. образованию понятия, с одной стороны, не может предшествовать чувственное восприятие (крайняя рационалистическая позиция), а с другой стороны, оно должно ему предшествовать (позиция крайнего эмпиризма).

При переходе от логики к грамматике обозначения меняются (см. [11, с. 30]). В грамматике понятиям соответствуют слова, которые как «знаки наших мыслей» ([16, с. 58—59]) могут выступать или в фонетически делимой форме, или как соединение письменных знаков. Орнатовский формулирует такое положение следующими словами: «Слово (vox, terminus) есть понятие, выраженное членораздельными звуками, или письменными знаками изображенное, напр.: солнце, человек, река, дерево: по сему звуку, не представляющие никаких понятий, не суть слова, напр. тре, тринь, тра» [13, с. 43].

Понятие рассматривается как связующее звено между фонетическим звуком (исходя из позиции речи) и референтом внеязыковой действительности; лишь через посредство понятия становится возможным кодирование (производство) и декодирование (восприятие) речи при актах коммуникации (см. [16, с. 61—62]): «Таким образом переходя от слов к мыслям, а от сих к вещам, и по рассмотрении последних обратным путем доходя до слов, открыл существующий и повсеместный их принадлежность».

И. Тимковский указывает на одно интересное положение, которое и в наше время дает повод для многочисленных споров в лингвистике. Имеется в виду вопрос об однозначности понятия, которое прикреплено к слову. Тимковский высказывается в том смысле, что выяснение значения и понятия возможно Столько тогда, когда точно известны условия употребления, т. е. контекст. Другими словами: понятие как системной единице противопоставляется понятие в актуализированном тексте: «Каждое слово дает собою некоторое понятие. Но когда оно сопряжено с другими словами, сверстными с ним, или управляющими, либо управляемыми оным; тогда его значение, а потому и понятие в речи становится *определенным*. Произходящая из сего состав и выражение мыслей дают правила Словосочинения, как общия так и особенно Российскому языку свойственный» [17].

Всеобщие грамматики отличаются тем, что в них связывается понятие и слово (знак). Уже в 1660 г. во французских и немецких сочинениях (например, в грамматиках Й. В. Мейнера и Й. С. Фатера) можно найти такие утверждения. Мейнер говорит о единице понятия как о предпосылке единицы слова [18], у Фатера слово включено в общее учение о знаках (он говорит и о семиотике), которое понимает как самостоятельный раздел прикладной логики [19, с. 140]. Слово является для Фатера носителем понятия, но в ряду возможных классов знаков (естественные и искусственные знаки) слова образуют лишь один подкласс: «[Die angewandte Logik] unterscheidet mit Recht natürlliche Zeichen, bei welchen man mehr oder weniger unmittelbar von der Beschaffenheit des Zeichens auf die des Bezeichneten schließBen könne, von den willkürlichen, wo kein Bezug jenes auf dieses sichtbar ist»... [19, с. 140]. В русских всеобщих грамматиках наряду с возможными и действительными западноевропейскими философскими влияниями на учение о понятии следует учитывать и собственно русское. Первая Академическая грамматика 1802 г. [20] не могла претендовать на общетеоретическую значимость, а обширная грамматика Барсова [21] к этому времени еще не была опубликована и, следовательно, не могла играть значительной роли в распространении теоретических положений. Поэтому в вопросе о влияниях следует в первую очередь остановиться на трудах М. В. Ломоносова, при этом ломоносовская Риторика несомненно имеет большее значение, чем его Грамматика. Напомним, что с 1736 по 1741 г. М. В. Ломоносов учился в Германии, где на его формирование как ученого особое влияние оказали годы занятий в Марбурге у Хр. Вольфа. Известно, что в личной библиотеке Ломоносова уже в 1738 г. находился ряд сочинений Вольфа и среди них логика (см. [22]). Однако учение Вольфа о понятии и суждении следует рассматривать в тесной связи с воззрениями Лейбница и французских рационалистов (см. [23]), из чего можно заключить, что на Ломоносова в какой-то форме оказала влияние западноевропейская философия языка. Поэтому возможное воздействие Ломоносова на русские всеобщие грамматики позволено в какой-то мере связать с западноевропейскими идеями, что ни в коей мере не умаляет самобытности Ломоносова и значения его трудов.

Как в русских всеобщих грамматиках, так и у Ломоносова устанавливается соотношение между понятием и словом. В своей Грамматике (1755 г.) Ломоносов подчеркивает значение того и другого для коммуникации вообще: «Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому... Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека нечувствительно к способам, как бы слово свое сократить и выключить скучные повторения одного речения» [24, с. 406].

Дифференциация частей речи основывается, по Ломоносову, на принятой классификации понятий, т. е. грамматическое различие между «главными частями слова» и «служебными частями слова» обусловлено понятийно [24, с. 408]. Исходным пунктом определения частей речи является, таким образом, классификация самих знаков.

Интересно заметить, что терминология в ломоносовской Грамматике и Риторике (1748) не идентична. Под французским ли влиянием (Декарта, Грамматики Пор-Рояля) или под влиянием Лейбница в Риторике Ломоносов использует понятие идеи: «Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем ...» [24, с. 100]. Но не может быть исключено и влияние Вольфа: в отличие от так называемой немецкой логики [25], где употребляется немецкий термин «Begriff», в латинской логике Вольф

использует латинские термины «notio» и «idea»: «Rerum in mente repraesentatio Notio, ab aliis Idea appellatur» [26, т. II, с. 127].

Вольф, так же, как и Ломоносов, трактует «слово» и «понятие» как соотношение, что очень ясно определяется в латинской логике. При этом важно, что для обозначения связи между словом и понятием используется глагол (significare), отличающийся от глагола, используемого для обозначения связи между словом и предметом (denotare). В этом и проявляется различие между значением и обозначением: «Notitides, quas habemus, vocibus alteri indigitamus. Sunt adeo Voces soni articulati, quibus notiones significantur. Voces autem istae *Termini* appellantur. Unde Terminus definitur, quod sit vox notionem quandam significans... *Termini denotant res, quorum notiones habemus, out habere possumus*» [26, т. II, с. 128—129].

Следует принять во внимание, что понятие идеи в ломоносовской Риторике приобретает дополнительный оттенок, обусловленный жанром этого сочинения. Идеи рассматриваются как понятия, отвечающие от одного тематически исходного слова на основе ассоциаций и находящиеся от него на различных расстояниях. Таким образом, понятие идеи открывает путь для других ассоциаций, не связанных с понятием. В разделе «О избрении простых идей» у Ломоносова говорится: «От терминов темы произведены быт могут чрез силу соображения ... многие простые идеи, которые мы разделяем на первые, вторичные и третичные. Первыми называем те, которые от терминов темы непосредственно происходят, вторичными, которые от первых, третичными, которые от вторичных идей рождаются» [24, с. 110].

Иными словами, когда речь идет об идеях, имеются в виду понятия в определенном процессе поиска. Поэтому «идея» имеет скорее динамический, а «понятие» — статический характер.

3. Более сложной ступенью умственной деятельности является суждение, о чем Кант в предисловии к «Критике практического разума» говорит, что дело состоит в том, чтобы познать, что относится к определенному предмету [27]. Это значит прежде всего, что признается двучленность предикативного процесса, т. е. — по Аристотелю — соотношение между логическим субъектом (hypokeimenon) и логическим предикатом (katego-гошпепон) или, говоря словами Э. Гуссерля, соотношение (Deckung) между субстратом «S» и определяющим «Р» [28, с. 242].

Нет никакой необходимости отдельно рассматривать категории суждения (см. [29, 30, 28]), поскольку их разделение в общих грамматиках еще очень незначительно. Важной, однако, является ссылка на копулу (copula) в суждении, которая теперь определяется так: «Слово есть (или суть, когда речь идет о многих предметах) называется связкой. Суждение можно изобразить символически в виде такой формулы:

S есть (не есть) *P*,

где *S* и *P* — переменные, вместо которых можно подставлять какие-то определенные мысли о предметах и их свойствах, а слово „есть” — постоянная» [15, с. 503]. В значительной мере вопрос о том, признавать ли за предикацией двучленную или трехчленную структуру, зависит от определения. В известной мне литературе можно увидеть некоторые отклонения в определениях, которые, однако, не ведут к различным оценкам самой сути. В качестве исходного пункта для всеобщих грамматик можно принять Грамматику Пор-Рояля, где сказано «... & ainsi toute proposition enferme necessairement deux termes: l'un appelle *sujet*, qui est ce dont on affirme, comme *terre*; & l'autre appelle *attribut*, qui est ce qu'on affir-

me, comme *ronde*: & de plus la liaison entre ces deux termes, *est*» [1, т. I, р. 29].

Многие немецкие общие грамматики придерживаются Грамматики Пор-Рояля, например, грамматики И. Мерциана и Й. С. Фатера. У Мерциана субъект, предикат и копула имеют немецкие соответствия «Stand, Umstand, Bindstand» [31, с. 111]. Фатер говорит о субъекте, предикате и утверждении (Subjekt, Prädikat, Assertion), причем утверждение реализуется при помощи копулы (Copula) [19, с. 145]. Сочинение Язвицкого соответствует французскому оригиналу, грамматики Орнатовского и Якоба содержат сравнимые определения: «Части суждения суть первое: понятие главного предмета, занимающего наш ум, или (подлежащее); второе: понятие его свойств или состояний (сказуемое) и третье: понятие связи между предметом и свойствами или состоянием его, или связь» [13, с. 48]. «К суждению принадлежит 1) понятие, представляющее определяемый предмет — *подлежащее*, 2) понятие, которым сие подлежащее определяется — *сказуемое* и 3) действие соединения — *связка* (copula)» [32, с. 40].

Едва ли можно доказать, находятся ли русские всеобщие грамматики начала XIX в. и под влиянием идей Аристотеля; мне это представляется маловероятным. Мысли Аристотеля, которые содержатся прежде всего в сочинении «Peri hermeneias» (см. [33]), были развиты впоследствии схоластами и западноевропейскими (прежде всего французскими) рационалистами и косвенным путем вошли в русские всеобщие грамматики. Гуссерль передает идеи Аристотеля следующими словами: «Was aber von Anfang an, von der Aristotelischen Stiftung unserer logischen Tradition an feststeht, ist dies, daß für das prädikative Urteil ganz allgemein charakteristisch ist eine zweigliedrigkeit: ein «Zugrundeliegendes» (hypokeimenon), worüber ausgesagt wird, und das was von ihm ausgesagt wird: kategoroumenon; nach anderer Richtung, hinsichtlich seiner sprachlichen Form unterschieden als onoma und thema. Jeder Aussagesatz muß aus diesen beiden Gliedern bestehen. Darin liegt: jedes Urteilen setzt voraus, daß ein Gegenstand vorliegt, uns vorgegeben, worüber ausgesagt wird» [28, с. 4-5].

При этом спрашивается, действительно ли под понятиями «*онома*» и «*rhema*» следует видеть чисто языковые формы, т. е. части речи «существительное» и «глагол» как грамматические категории. Английский перевод Х. Аренса дает повод к сомнению, поскольку он оставляет без перевода соответствующие выражения греческого оригинала: «Proton dei thestai ti onoma kai ti rhema, epeita ti estin apophasis kai kataphasis kai apophansis kai logos. First we must determine what onoma and what rhema is, and after that, what negation, affirmation, statement (or: proposition), and sentences» [34, с. 18, 21].

Я согласен с интерпретацией Й. Циглера, который так оценивает это место: «Das „rhema“ erscheint so als sprachlicher Ausdruck des Urteilsprädikats. Als solches ist es nicht ein „einfaches Sagen“, sondern Aussagen: nicht die „noesis“ als Verstandestätigkeit liegt ihm zugrunde, sondern die „synthesis“ des Urteils. Die Bestimmung des „thema“ erfolgt von der höheren Einheit des „logos apophantikos“ her...» [35, с. 21–22].

В пределах собственно русских влияний следует опять-таки принять во внимание ломоносовскую Риторику, где он дает подробное объяснение соотношению между суждением и предложением. Согласно Ломоносову, предложение соответствует логическому суждению, состоящему из двух частей: субъекта и предиката, которые соединяются при помощи копулы:

«Таким образом, сложенные идеи по-логически называются рассуждениями, а когда словесно или письменно сообщаются, тогда их предложениями называют. Оне имеют две части — подлежащее и сказуемое. Оное значит вещь, о которой рассуждаем, а сие показывает самое то, что рассуждаем о подлежащем... Глагол существительный *есть* или *суть* называется связка, которую подлежащее и сказуемое сопрягаются» [24, с. 117].

На теорию суждения Ломоносова оказали определенное влияние идеи Вольфа, который очень подробно рассматривает этот вопрос в латинской логике и указывает, с одной стороны, на различие между суждением и предложением, а с другой — на параллелизм логических и грамматических понятий: «*Patet adeo, differre propositionem sive enunciationem a iudicio. Etenim iudicium est actus mentis, quo ideae, quibus res in mente repraesentantur (...), vel coniunguntur, vel a se invicem separantur (...): propositiones vero sive enunciationes non sunt nisi combinationes terminorum, ideis istis respondentes, quibus earum conjunctio, vel separatio significatur. Quomodo itaque differunt notiones & termini, quibus istae indignantur, cum se habeant termini ad notiones ut signa ad res significatas (...); ita similiter differunt etiam enunciationes & iudicia ut signa & res iisdem indigitatae*» [26, т. II, с. 131]. Теория суждения Вольфа, однако, гораздо сложнее ломоносовской. Теория Вольфа, подробно исследованная В. Лендерсом (см. [23]), основывается на принятии трех умственных операций, что несомненно указывает на влияние Лейбница. 1) Референту или придается (tribuere) нечто отличное от него, или от него отнимается (removere): «*Atque actus iste mentis, quo aliquid a re quadam diversum eidem tribuimus, vel ab ea re removemus, iudicium appellatur*» [26, т. 2, с. 1291]. 2) Два понятия, которые придаются какой-то вещи и чему-то от нее отличному, соединяются (conjungere) или отделяются (separare): «*Dum igitur mens iudicial, notiones duas vel coniungit, vel separat*» [26, т. II, с. 130]. 3) Переход от уровня мышления к речи принимается за третий вид деятельности, т. е. предложение (propositio/enunciatio) становится грамматическим соответствием суждения (iudicium): «*Solemus etiam efferre, tumque illud enunciarere vel proponere dicimus. Est igitur Enunciatio sive Propositio Oratio, qua alteri significamus, quid rei conveniat, vel-non conveniat*» [26, т. II, с. 131].

Самым важным исходным пунктом для различия между предложением и суждением во всеобщих грамматиках несомненно является Грамматика Пор-Рояля («*Le jugement que nous faisons des choses, comme quand je dis; la terre est ronde, s'appelle PROPOSITION*») [1, т. I, с. 28—29]. Данное различие является общим как в универсальных грамматиках Франции и Германии, так и в России. Можно привести два примера: «Совокупление двух или трех понятий, по какому-нибудь их между собою отношению, составляет суждение, которое будучи выражено живым голосом, или письмом, называется предложением» [13, с. 48] и «...ежели посредством одного, или многих слов в совокупности выражается суждение, то сие называется предложением (propositio)...» [32, с. 9].

Всеобщая грамматика не является описательной грамматикой определенного языка. Это скорее — теоретическая грамматика, в которой описываются принципы, принятые более или менее во всех естественных языках. Поэтому в ее задачи не входит классификация предложений (например, русского языка) и определение всех типов предложений с формальной точки зрения.

Общая грамматика в состоянии обнаружить такие явления, которые не может обнаружить ориентированное на синтаксис описание отдельного языка. Одним из этих явлений можно считать, например, тот факт, что

в естественных языках связка как грамматическое соответствие копуле структуры суждения вовсе не должна быть представлена, — она не представлена при «нормальных» глаголах («*verba mixta*») [32, с. 41] в индоевропейских языках. У таких глаголов логический предикат и копула слились в неразделимую единицу. Немногим связочным глаголам (речь идет почти всегда о *esse* и о соответствующих реализациях его в отдельных языках) противостоит большая группа «смешанных глаголов». Лучше всего это явление описано в грамматиках Якоба [32, с. 41] и Орнатовского: «Глагол, как самое наименование показывает, соединяет в себе сказуемое и связь; поелику же сказуемое состоит или в состоянии вещей, или в их действии и страдании, или в свойствах их: по сему глагол есть часть речи, означающая состояние, действие, или страдание предметов, и вообще приписывающая подлежащему сказуемое, напр. дерево *стоит*» [13, с. 53]. Эта интерпретация восходит к Грамматике Пор-Рояля. Вот одно место, которое решающим образом повлияло на способ трансформации в порождающей трансформационной грамматике Н. Хомского: «*lis y ont joint celle de quelque attribut: de sorte qu'alors deux mots font une proposition: comme quand je dis, Petrus vivit, Pierre vit: parce que le mot de vivit enferme seul l'affirmation, & de plus l'attribut d'estre vivant; & ainsi c'est la même chose de dire Pierre vit, que de dire, Pierre est vivant*» [1, т. I, с. 96].

Сходные определения и примеры встречаются в других всеобщих грамматиках (ср., например [31, с. 113]). При этом нельзя забывать, что эти идеи могли принадлежать Ломоносову, чья Риторика в этом пункте совершенно очевидно опирается на Грамматику Пор-Рояля: «... [Связка] часто в разных случаях потаена бывает, как: *богатство и честь побуждают к трудам*. И посему называются такие предложения косвенными, которые, однако, можно привести в чистые логические, изобразив сказуемое чрез иную часть слова, например, в сем предложении *огонь горит*, глагол переимен в причастие и приложив связку, будешь иметь *огонь есть горящий*, где подлежащее, сказуемое и связка изображены явственно, хотя в российском языке сия речь несвойственна» [24, с. 117].

В своих замечаниях Ломоносов совершенно неосознанно затрагивает и проблему, которая в настоящее время постоянно играет роль в спорах о трансформационной грамматике, а именно: применение метаязыковых объяснений в предполагаемой функции языковых примеров как объекта анализа. По вопросу о суждении и предложении вряд ли могло иметь место влияние, идущее от Грамматики Ломоносова (в противоположность Риторики), ни в отношении терминологии, ни в отношении определений. Различие между суждением и предложением в его Грамматике упомянуто лишь вскользь, когда он проводит разграничение между понятиями «снесение» и «сложение». Первое понятие употребляется для соединения понятий (у Вольфа, соответственно, «*combinatio notionum*»), а второе — для соединения слов (у Вольфа «*combinatio terminorum*»). Ломоносов формулирует это положение следующим образом: «Сложение знаменательных частей слова, или речений, производит речи, полный разум в себе составляющие чрез снесение разных понятий» [24, с. 418].

4. В качестве дальнейшей, более сложной умственной операции в логике называется заключение, а в грамматике — сложное предложение. Однако между этими двумя единицами уже не существует соответствия.

То, что силлогизм в логике имеет другое качество, чем подчинение или сочинение на уровне синтаксиса (т. е. грамматики), легко можно установить при изучении той логики, которая имела большое значение для общей грамматики [2], где сложное предложение рассматривается в главе,

посвященной суждениям (см. [2, т. I, с. 101, 129 и ел.]). Заключение (*conclusio*) представляет собой доказательный вывод из двух предыдущих суждений (*propositio maior*, *propositio minor*; см. [36]). Соответствуя условиям суждения, признак импликации не принадлежит *per se* сложному предложению. Другими словами: заключение (на логическом уровне) по сравнению со сложным предложением (на грамматическом уровне) является «особым» в сравнении с «общим»; а это означает, что заключения следует рассматривать лишь после описания сложных предложений (как это и делается в цитируемой здесь французской логике).

Отношение между заключением и сложным предложением в русских всеобщих грамматиках также не подвергается дискуссии. Прочитываемое выше соответствие между «умозаключением» и «доводом» [13, с. 30] следует оценивать как мнимое определение. В связи с отсутствием действительного коррелята довод принимает замещающую позицию: речь идет не о грамматическом понятии, а о перифразировании заключения на уровне логики.

Становится ясно, что заключение и сложное предложение не могут быть прямо соотнесены друг с другом, речь не идет о соответствиях единиц в разных научных дисциплинах (логика и грамматика). На основе этого факта в общей грамматике следует развивать эти понятия независимо друг от друга. Можно заметить, что подробное рассмотрение заключения происходит, как правило, в логике, а сложного предложения — в грамматике.

Поскольку в общих грамматиках нельзя описать период (сложное предложение) в качестве соответствия какой-то логической единице, то я и не обращаюсь здесь к этому вопросу. Единица периода в конечном счете служит «строительным материалом» для составления устных или письменных текстов, так называемых дискурсов (см. [32, с. 9 и 101]) *.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Grammaire generate et raisonnee ou La Grammaire de Port-Royal/ Edition critique presentee par Brekle H. B. Nouvelle impression en facsimile de la troisieme edition de 1676. I—II. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1966. (Grammatica Universalis, 1).*
2. *L'art de penser. La logique de Port-Royal/Ed. par Bruno Baron von Freytag Loringhoff et Brekle H. E. I—III. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1965.*
3. *Ricken U. Sprache, Anthropologie, Philosophie in der franzosischen Aufklarung. B., 1984.*
4. *Бокадорова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII—начала XIX века. Структура знания о языке. М., 1987.*
5. *Florczak Z. Europejskie zrodla teorii jezykowych w Polsce na przelomie XVIII i XIX wieku. Wroclaw, 1978.*
6. *Biedermann J. Grammatiktheorie und grammatische Deskription in RuBland in der 2. Halfte des 18. und zu Anfang des 19. Jahrhunderts. Frankfurt-am-Main; Bern, 1981.*
7. *Freidhof G. Begriffe der logischen und grammatischen Ebene in den russischen Universalgrammatiken. Eine vergleichende Betrachtung// Texts and Studies. III. Munchen, 1988.*
8. *Arnault A. Die Logik oder die Kunst des Denkens. Darmstadt, 1972.*
9. *Stengel E. Chronologisches Verzeichnis franzosischer Grammatiken. Amsterdam, 1974. S. 46.*
10. *Pariente J.-C. L'analyse du langage a Port-Royal. P., 1985.*
11. *Язвицкий Н. Всеобщая, философическая грамматика. СПб., 1810 (Переиздание: Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806—1812. V. II. / Ed. in three volumes by Biedermann J. and Freidhof G. Munchen, 1984).*

* Работая над этой статьей, я пользовался советами А. В. Бондарко (Ленинград), который в летнем семестре 1988 г. читал лекции во Франкфуртском университете, и Г. Гайер (Франкфурт-на-Майне). Названным лицам я приношу искреннюю благодарность.

42. *Freidhof G.* К вопросу о понятии «суждение» у Ломоносова, Барсова и Якоба // *Russian linguistics*. 1987. 11.
43. *Орнатовский И.* Новейшее начертание правил Российской грамматики. Харьков, 1810. (Переиздание: *Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806—1812. V. I.* / Ed. in three volumes by Biedermann J. and Freidhof G. München, 1984).
44. Философский энциклопедический словарь. М., 1983, С. 513.
45. *Кондаков Я. И.* Логический словарь. М., 1971.
46. *Рижский И.* Введение в круг словесности. Харьков 1806. (Переиздание: *Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806—1812. V. II.* // Ed. in three volumes by Biedermann J. and Freidhof G. München, 1984).
47. *Тимковский И.* Опытный способ к философическому познанию Российского языка. Харьков, 1811. С. 27. (Переиздание: *Texts and Studies. II.* 1984).
48. *Meiner J. W.* Versuch einer an der menschlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre oder Philosophische und allgemeine Sprachlehre. Faksimile-Neudruck der Ausgabe Leipzig 1781 mit einer Einleitung von Brekle H. E. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1971. S. 72.
49. *Voter J. S.* Versuch einer allgemeinen Sprachlehre. Faksimile-Neudruck der Ausgabe Halle 1801 mit einer Einleitung und einem Kommentar von Brekle H. E. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1970.
50. Российская грамматика сочиненная Императорскою Российскою академиею. СПб., 1802.
51. *Барсов А. А.* Российская грамматика / Подгот. текста и текстологический коммент. Тоболовой М. П. Под ред. и с предисл. Успенского Б. А. М., 1981.
52. *Auburger L.* RuBland und Europa. Heidelberg, 1985. S. 26—27.
53. *Lenders W.* Die analytische Begriffs- und Urteilstheorie von Leibniz G. W. und Wolff Chr. Hildesheim; New York, 1971.
54. *Ломоносов М. В.* Поли. собр. соч. Т. VII: Труды по филологии 1739—1758 гг. М.; Л., 1952.
55. *Wolff Ch.* Vernünftige Gedanken von den Krafthen des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkenntnis der Wahrheit / Hrsg. und bearb. von Arndt H. W. Hildesheim; New York, 1978. S. 123.
56. *Wolff Ch.* Philosophia rationalis sive logica. I—III / Edition critique avec introduction, notes et index par Ecole J. Hildesheim; Zurich; New York, 1983.
57. *Kant I.* Werke in zehn Banden. Bd 6: Schriften zur Ethik und Religionsphilosophie. 1. Tl Darmstadt, 1983. S. 117.
58. *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Hamburg, 1985.
59. *Копнин П. В.* Природа суждения и формы выражения его в языке // Мышление и язык. М., 1957.
60. *Liebrucks B.* Der menschliche Begriff. Sprachliche Genesis der Logik, logische Genesis der Sprache. Hegel: Wissenschaft der Logik. Der Begriff. Frankfurt-am-Main; Bern; 1974.
61. *Merianl.* Allgemeine Sprachkunde. Faksimile-Neudruck der Ausgabe Braunschweig 1796 mit einer Einleitung von Brekle H. E. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1979.
62. *Якоб Л. Г.* Курс философии для гимназий Российской Империи; Ч. II: Начертание всеобщей грамматики, для гимназий Российской Империи. СПб., 1812 (Переиздание: *Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806—1812. V. II.* / Ed. in three volumes by Biedermann J. and Freidhof G., München, 1984).
63. *Aristoteles.* Kategorien. Lehre vom Satz (Peri hermeneias) (Organon I/II) vorangeht Porphyrius: Einleitung in die Kategorien. Hamburg, 1974.
64. Aristotle's theory of language and its tradition. Texts from 500 to 1750/Ed. by Arens H. Amsterdam; Philadelphia, 1984.
65. *Ziegler J.* Satz und Urteil. B.; N. Y., 1984.
66. *Якоб Л. Г.* Начертание всеобщей логики, для гимназий Российской Империи. СПб., 1811. С. 50.